

Годы, люди и народы  
Убегают навсегда,  
Как текучая вода.  
В гибком зеркале природы  
Звезды — невод, рыбы — мы,  
Боги — призраки у тьмы.

## ВОСПОМИНАНИЯ

Достойны славы пехотинцы,  
Закончив бранную тревогу.  
Но есть на свете красотинцы  
И часто с ними идут в ногу.  
Вы помните, мы брали Перемышль  
Пушкинианской красоты, —  
Не может быть, чтоб вы не слышали  
Осады вашей высоты.  
Как судорга — пальба Кусманека,  
Иль Перемышль старый старится?  
От поцелуев нежных странника  
Вся современность ниагарится.  
Ведь только, только Ниагаре  
Воскликну некогда: товарищ!  
(Самоотрицание в анчаре,  
На землю ласково чинарьсь).  
А вы, старейшие из старых,  
Старее, нежели Додо,  
Идите прочь! не на анчарах  
Вам вить воробушка гнездо.  
Для рукоплескания подмышек  
Раскрывши свой увядший рот,  
Вас много, трепетных зайчишек,  
Скакало в мой же огород.  
В моем пере на Миссисипи  
Обвенчан старый умный Нил.  
Его волну в певучем скрипе  
Я эхнатэнственно женил.

На небо восходит Суа  
С востока приходят с улыбкой Суэ \*\*.  
Бледнея шатаются нашей земли  
Не могут набег отразить короли.  
Зовут Суэ князя Веспуччи,  
Разит он грозою гремучей.  
Чипчасы шатаются, падая,  
Победой Суэ окровавленно радуя.  
И вот Монтезума, бледнея, пришел.  
И молвил: „о, боги! вам дали и дол“,  
Не смея сказать им: „о, братья!“  
Но что же? На нем уж железное платье —  
Суэ на владыку надели.  
Он гордость смирил еле-еле.  
Он сделался скоро темней и смуглей,  
Он сделался черен, как пепел.  
3 дня он лежал на цветах из углей.  
3 дня он из клюва колибри не пил.  
На третий его на носилках уносят.  
Как смерть их пришествие губит и косит.

\* Суа — солнце.

Суэ — сыны солнца (испанцы).

## ИЗ ПОЭМЫ „МАРИНА МНИШЕК“

„Пане! Вольны вы  
Меня пленить блестящим разговором,  
Умом находчивым и спорым,  
В котором все днепровская струя  
И широко-синие заливы.  
Но знайте! Я,  
Если и слышу всех польских дев резвей  
В мазурке пляске нежной,  
В одежде панны белоснежной,  
То знайте нет меня трезвей,  
Когда имею дело с делом,  
Я спорю с старцем поседелым“.  
Смотрит ласково прищурясь и добавляет:  
„Я не обещаю и не обольщаю,  
Но юноша заключите свои самые пылкие желанья  
В самую ужасную темницу;  
Пока я не московская царица  
Я говорю вам: до свиданья!“...  
Ей покоренный юноша смотрит вслед  
И хочет самому чуть слышный дать ответ:  
„Панна...  
В моих желаньях нет обмана“.

Марина села на колено  
К отцу. Под звуки трубачей,  
Дворни, шутов и скрипачей,  
Вся покрасневшись дочь прильнула  
К усов отцовских седине;

И в шуме став с ним наедине  
Шепнула:  
„Тату... Тату... Я буду русская царица!“...  
Не верит и смеется,  
И смотрит ласково на дочку,  
И тянет старый мед,  
И шепчет: „Мне сдается  
Тебя никто сегодня не поймет“.

Пою,  
 Что палки бросает Перун,  
 Паря, точно палка себя,  
 Из точки пустоты,  
 Как палка пустоты,  
 Пышет пальбою тех пуль,  
 Что пламенем стали полых  
 Пилок пения пороха.  
 Пение пыли из пены,  
 [Когда влава водного слова полна  
 Пузырей пустоты]  
 Пазы пузырей у певучего слова.  
 И в песне пещеры  
 И почки и печени,  
 Как палки, как полые палки,  
 Что волят пустынных полей,  
 Слова растянули молвы.  
 И ты, что пустынною пеной пылишь,  
 Пузырный Перун. Пастух пустоты  
 Пестуешь ты пламенный порох.  
 Я тоже пою.  
 [Избыток пустот. Слова стали пеной  
 И прыгают в пение Перуна]  
 Пружинною пяткою пенистых пений  
 На пальцах из песен.  
 [Я порохом звучным зажегся, горю я, горю,  
 А он, раздвигаемой палками пламенем  
 Звучных частиц, бросился в печи размеров,

Бросился полыми пушками слов  
Звучного пламени пения].  
Пламенем в пении понесся прямое,  
Прямое как палка пещер пустоты,  
Пернатый пустыми полями, палимый,  
Я из почки пустой и палимой  
[Пальбою мольбы в Перуна  
Стать пеной пузырной].  
Пением полых пламен,  
Пением поля пузырься  
Пламенно-полый Перун.  
[Ведь ежели точка из точки бежит  
И палка растёт между ними и дальше  
толкает—  
Это Перун раздвигающий точки,  
Любящий пену, пляску и песни,  
Любящий порохом прыгать, как пены  
прыжок,  
Любящий в пламени пороха пули,  
Пули пылинок поющих печек.]  
Но песня пещер, но песни пустот  
Пений пещеры.  
Пений пещеры,  
Что пулями пятки  
Песней палят, как пламени полых пещер.  
[Пушкой пушистой Перуна,  
Пламенем пуха перунова]  
На пальцах пера пустоты  
[Палками мечут в время и место]  
И палкой пылают как почки.  
Прыгают, пляшут  
Под пение первой пещеры,

Пастух пустоты  
Пестуй, пылая печени полых полей.  
Первый и первый и первый Перун.  
Пещерный Перун. Перун пещерный.  
Пением первый первых пещер.  
Первою палкой пари  
По пушистой поре [пороха],  
Пернатым порогом пляшущей пены.  
Палицей полого пения  
Порохи пламенем пой.  
Первые пороха пены  
Пастью пушистою пей.  
Праведный парень,  
Пылкий Перун,  
Правдой поющий пещер,  
Печени пылом,  
Первою птицею пламени  
Полой порою порхая,  
Парусы перьями порешь,  
Порешь и пашешь перо.  
[Пить пустоту первой поры]  
Парнем на пляске пещер  
Пары пылая паров  
Пламенный порох.  
Пламенный парень!  
Паси пылкую почку  
В пустую пещеру  
[Печеней первой пещеры  
Пламеней палки певицы.  
О, пение пустот пещерами времени  
И почкою певуча палка].  
Падает палка в песни пещер!

Песенный парень парусом пламени  
[Прет и парит по пучинам полей].  
Палками пал пан  
Пашни полей,  
Пухом пушистым  
Пиров пустоты.  
Пиром пения птах.  
Первый парень  
Поры пещерных полей  
Стань правдой поющих пещер.  
Парусом песен,  
Пламенной палкой питая  
Пасть пустоты,  
Пирующий пламенем,  
Праведный парень,  
Пылкий Перун.

Веко к глазу прилепленно приставив,  
Люди друг друга, быть может, целуют,  
Быть может-же просто грызут.  
Книга войны за зрачками пылает,  
Того, кто у пушки, с ружьем, но разут.  
Потомок! От Костомарова позднего  
Скитаясь до позднего Погодина,  
Имя прочтете мое темное, как среди звезд Нева,  
Среди клюкву смерти проливших за то, чему имя  
старинное „родина“.

А имя мое страшней и тревожней  
На столе пузырька  
С парой костей у слов „осторожней,  
Живые пока!“.

Это вы, это вы тихо прочтете  
О том, как ударил в лоб,  
Точно кисть художника, дробь ком,  
Я же с зеленым гробиком  
У козырька  
Пойду к доброй старой тете.  
Сейчас все чары и насморк  
И даже брашна,  
А там мне не будет страшно,  
— На смерть!